

УДК 94(470)''18'':327

ДАГЕСТАН ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ РОССИИ И ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Ш. Демир

Дагестанский государственный университет, 367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а
escalex@mail.ru

Освещены место и роль Дагестана в кавказской политике Российской и Османской империй во второй половине XVIII в., выявлены цели и задачи этой политики, методы и средства их достижения, успехи и провалы на этом пути. События изложены в связи с главными проблемами: моздокско-кизлярской, кавказско-черноморской и др. Очерчены особенности формирования и реализации политики Порты в новых условиях.

Ключевые слова: Османская империя, кавказская политика, Дагестан, российско-турецкое противоборство, Крым, Кабарда, Закавказье.

Важное место в кавказской политике Порты в рассматриваемый период занял Дагестан, как занимали его Кабарда, Чечня, Ингушетия, Осетия, Грузия и другие части региона в зависимости от условий и соотношения сил оставшихся на кавказской арене двух соперников – России и Османской империи. Поэтому выявление геополитической роли Дагестана в этом процессе в неразрывной связи со своими соседями представляется актуальной, тем более что, в таком аспекте эта проблема не освещалась.

Как свидетельствуют источники, ведущую роль играли одновременно Дагестан и Кабарда в 50-е гг. XVIII в., с некоторым перевесом Кабарды, Ингушетии и Осетии в 60 – 70-х гг., доминирующим влиянием Дагестана, Чечни и Грузии в 80 – 90-х гг. Так, вслед за Кабардой согласно поступившим из Дербента сведениям зимой 1751 г. турецкий султан Махмуд I прислал богатые подарки придерживавшимся российской ориентации дербентскому хану Магомеду Гусейну, тарковскому шамхалу Хасбулату, кубинскому правителю Гусейну Али-хану и кайтагскому уцмию Амир-Гамзе, пытаясь выяснить на каких условиях они «желают быть в его подданстве?» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп.2, 1751. Ед.хр. 33. Л. 26 об.]. Несмотря на неудачу этой попытки, правители Османской империи и ее вассала – Крымского ханства продолжали свой курс. Подтверждение тому – прибытие в ноябре 1761 г. в Дербент к кубинско-дербентскому правителю Фатали-хану посланника кубанского сераскера Бахадур-Гирея Исмаил-аги с подарками и письмами от султана Мустафы III и извещением о том, что сераскер намерен выступить в поход «с войском» на Кабарду, откуда, «может быть, коснется и Кизляра». Бахадур-Гирей призывал Фатали-хана, чтобы он с «сераскером имел дружество» [АВПРИ. Ф. 121. Оп. 121/1, 1761. Д. 2. Л. 153.], но также не добился успеха.

Одновременно с этим правящая османская элита стремилась привлечь на свою сторону враждующих между собой кумыкских владетелей, используя ислам в качестве важного фактора идеологического воздействия. Как сообщал в апреле 1762 г. кизлярский комендант А.И. Ступишин, к ним поступило письмо от султана Мустафы, в котором он сообщал «о несогласии... между Россиею и Портою Османскою» и призывал, чтобы «весь дагестанский народ по однозаконству (по вере с турками. – Д.Ш.) никакого вспоможения русским не делали» [АВПРИ. Ф. 89/1, 1762. Д. 4. Л. 12]. Однако и эта попытка Порты не увенчалась успехом.

Воспользовавшись ситуацией, российское правительство приняло меры для укрепления своих позиций на Кавказе, благодаря чему активно развивались связи с населением края, особенно «народов Дагестана с Россией, что было очень важно для восстановления их экономики, сильно пострадавшей от неоднократных нашествий иранцев, турок и татар» [Дружинина, 1955, с. 47]. Заметным шагом на пути укрепления позиций России на Кавказе стало начало строительства в 1763 г. крепости Моздок на пастбищных угодьях князей Большой Кабарды, ущемлявшее их экономические и политические интересы и вызвавшее антироссийские настроения части их, ставшие предлогом для вмешательства Турции и Крыма. Озабоченное этим правительство Екатерины II усилило политику «ласкания» фрондирующих кенязей, реализуя одновременно разработанный коллегами иностран-

ных и военных дел комплексный план по укреплению Моздокской крепости и подконтрольной «Кавказской области». Этот план предусматривал проведение серии военно-политических мероприятий, позволивших заложить основу для создания новых станиц на Тереке и Моздокской кордонной линии [Якубова, 1993. С. 85].

Отдельные пункты плана непосредственно касались Дагестана и предполагали укрепление Кизляра и создание единой Кизлярско-Моздокской линии. Так, в указе императрицы от 10 апреля 1765 г. прямо предписывалось: «В подкрепление кизлярской открытой стороны прибавить легкого войска для чего... командировать в Кизляр из волжских стоящих на Дубовке казаков вооруженных и добровольческих конных пятьсот человек с их старшинами немедленно» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 475. Ч. 1. Л. 36]. Во исполнение этого указа 23 апреля в Кизляр была отправлена воинская команда во главе с майором Петричиным. Вдобавок к ним вице-президент Военной коллегии З.Г. Чернышев приказал астраханскому губернатору немедленно отправить «к прежде наряженным в Кизляр пятистам еще двух тысяч донских казаков» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 475. Ч. 1. Л. 18]. Если прежние 500 казаков еще не отправлены в Кизляр, гласил новый указ императрицы, то «немедленно и весьма поспешно через двадцать четыре часа по получении оного исполнение учинить» [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 475. Ч. 1. Л. 90].

Однако этих мер оказалось недостаточной. В конце июня 1765 г. более 4 тыс. крымцев, кубанцев и закубанских черкес под водительством Арслан-бека Сокур Гаджи-мурзы Малого Ногая Кашкабала внезапно напали на станицы гребенских казаков, дошли до Кизляра, осаждали крепость более двух часов, но были отбиты с большими потерями [Бутков, 1869, с. 11].

Российское правительство было крайне озабочено нападением на Кизляр. Коллегия иностранных дел 2 сентября 1765 г. отправила рескрипт аккредитованному в Стамбуле А.М. Обрескову и П.А. Левашову с предписанием заявить решительный протест Порте, что и было сделано незамедлительно. В подкрепление к сказанному правительство переселило в обширный край между Кизляром и Моздоком 517 семей из числа Волжского казачьего войска, перевело сюда же 500 дубовских, 500 донских казаков и 500 донцов [Сотавов, 1991, с. 151].

Эти меры временно утихомирили османских экстремистов и подвластных им крымских и кубанских мурз, но обстановка на Северном Кавказе оставалась напряженной, «внутри же самой Кабарды кипели страсти, недовольство переливалось через край» [Мальбахов, 1998, с. 63].

Категорический отказ Екатерины II удовлетворить требования фрондирующих князей скрыть Моздок и возвратить им беглых холопов усилило недовольство этих князей вплоть до угрозы напасть на Моздок и перейти на сторону Крыма. Но этого не случилось: основная масса населения Кабарды продолжала придерживаться пророссийской ориентации; многие же владельцы и старшины, непричастные к антироссийской оппозиции, вновь подтвердили свою верность России [ЦГА РД. Ф. 379. Оп.1. Ед.хр. 667. Л. 31; Ед.хр. 678. Л. 57], что было особенно важно в преддверии русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг.

В ходе войны обе стороны основное внимание уделяли европейским фронтам, хотя в их планах важная роль отводилась и Северному Кавказу, особенно Кабарде и Дагестану. Об этом свидетельствует обращение султана Мустафы III к кабардинским князьям за пять дней до начала войны, 20 сентября 1768 г., с призывами быть послушными крымскому хану и выступить против «московских кяфиров» [Смирнов, 1958. С. 93], т.е. России. Продолжая этот курс более активно с началом войны, 28 сентября он направил специального курьера в Кабарду, Чечню и Дагестан с предложением перейти под свое покровительство, при этом возлагал особые надежды на тарковского шамхала Муртузали и дербентско-кубинского владельца Фатали-хана, но внятного ответа от них не дождался. Не принес успеха и почетный прием, устроенный султаном возвращавшемуся из Мекки в октябре 1769 г. племяннику правителя Казикумухского ханства Магомеда – Гаджи-Гирею: он был отпущен в Дагестан с крупной суммой денег и многочисленными подарками «для подзыва дагестанцев и кумык в протекцию султана», чтобы они начали против России «неприятельские поиски» [АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1770. Д.4. Л. 36, 37, 38].

Особое беспокойство Петербурга вызывала и Кабарда, остававшаяся важным звеном политики Петербурга на кавказско-крымском направлении. Военные действия в этой зоне начали весной 1769 г. крымские татары во главе с ханом Керим-Гиреем, рассчитывая на успех в наступлении на Моздок и Кизляр. Для защиты Кизлярского края в феврале 1769 г. на Терек прибыл генерал де Медем, но к этому времени ситуация в Кабарде значительно осложнилась. Часть «мятущихся» ка-

бардинских князей во главе в Бамматом Мисостовым откочевала поближе к Крыму, в урочище Ешкокон, откуда обратилась за помощью в Бахчисарай.

Для «увещевания» строптивых князей генерал де Медем организовал Закубанский поход, в котором участвовали горцы Дагестана, Чечни и Ингушетии под командованием Гамзы Алашева, Арслан-бека Айдемирова и Куденета Бамматова. Объединившись с 20-тысячной конницей калмыков, в июне 1769 г. они нанесли поражение хану Керим-Гирею на берегу реки Калаус, что побудило большинство фрондирующих князей присягнуть на верность России [Кидирниязов, 2003, с. 159].

Что касается настроений простых кабардинцев и их соседей, то они носили однозначно про-российский характер. Особенно четко это проявилось в январе–феврале 1770 г., когда прибывшие в Кизляр специальные посольства из Ингушетии и Восточной Осетии, каждое во главе с 24 старшинами, официально подписали присяги о принятии российского подданства [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед.хр. 791. Л. 12 с об.]. Тогда же в подданство России стала Кубанская (Ногайская.– Д.Ш.) орда, переселившаяся на левый берег Днепра [АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/2. 1770 – 1773. Д.11. Л. 24].

Очевидно, что возрастание влияния России на указанных территориях было обусловлено и победами ее войск над османами на Балканском и Крымском направлениях. Летом 1771 г. армия В.М. Долгорукого разгромила 100-тысячную армию противника, двинулась на Бахчисарай, откуда хан Селим-Гирей бежал в Стамбул. Русские войска заняли Арабат, Керчь, Еникале, Балаклаву и Таманский полуостров и возвели на трон сторонника России Сахиб-Гирея.

Разумеется, такой поворот событий вызвал резкую реакцию Порты и поддерживавших ее кабардинских князей. В начале 1772 г. с султанским указом в Кабарде появился Салахшур Сулейман-ага, чтобы привлечь на сторону Стамбула «народные сердца» [АВПРИ. Ф. 123. Оп. 123/2. 1767 – 1773. Д.27. Л. 454]. В марте 1772 г. в Кизляр поступили сведения, что главные лидеры оппозиции Мисост Бамматов и Касай Атажукин намерены «учинить нападение на Моздок» [Кабардино-русские отношения..., 1958. С. 304 – 305]. В ответ генерал де Медем обратился с письмом к 25 влиятельным представителям оппозиции с требованием, чтобы они не чинили акций против России, угрожая, что в противном случае «сами себя потеряете» [Кабардино-русские отношения..., 1958, с. 306 – 307]. Кабардинские князья, проявившие строптивость, вынуждены были присмиреть, так как значительная часть крымской знати оказалась на стороне России. 1 ноября 1772 г. хан Сахиб-Гирей и представитель России в Бахчисарае Г.А. Щербинин подписали договор в Карасу, согласно которому Крым объявлялся независимым ханством под покровительством России, к которой признавалась вся Кабарда, а также черноморские порты Керчь, Еникале и Кинбурн [Андреев, 2000, с. 223].

Но спокойствия в Крыму не наступило. Султан Мустафа не признал этот договор и выдвинул на крымский престол свою креатуру – Девлет-Гирея III, снабжая его войсками и всем необходимым. Лихорадочная активность Порты совпала с новым обострением ситуации в Кабарде и Дагестане. Пользуясь этим, она подтолкнула Девлет-Гирея к агрессивным действиям против непослушных кабардинцев и дагестанцев.

В марте 1774 г. Девлет-Гирей двинулся через Тамань в направлении Кабарды. Решающие сражения между русскими и турецкими силами произошли 3 июля и 4 августа в урочище Бештамак, у реки Гунделен, где полчища Девлет-Гирея были разбиты и бежали из Кабарды. Одновременно русские войска под командованием А.В. Суворова сокрушительное поражение османам на Дунае, что заставило Порту просить Петербург о заключении мира. 15 июля 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский договор, сохранивший в силе переход к России Керчи, Еникале и Азова, а под ее покровительство – Большой и Малой Кабарды, а также Крымского ханства [ПСЗРИ. 1830. С. 964].

Кючук-Кайнарджийский договор имел большое значение не только для Кабарды и России, но и для других народов Кавказа. Присоединение Кабарды и дальнейшее продвижение России на Кавказе способствовали заметному развитию экономических и культурных связей Дагестана с Россией, подвигли многих владетелей и старшин обратиться за российским подданством [Гаджиев, 1965, с. 140]. Неслучайно, как гласит один из источников, когда кавказская администрация ознакомилась с условиями этого договора кумыкский и другие народы региона, «они [этим известием] весьма были обрадованы» [АКАК, 1886, Т.1, с. 89].

Разрешение черноморской проблемы в пользу России, тесно связанной с кавказской проблемой, завершилось официальным объявлением в специальном манифесте Екатерины II от 8 апреля 1783 г. о присоединении Крыма к России, что оказало большое влияние на народы всего Кавказско-

го региона. Огромное значение для укрепления достигнутых успехов на крымско-черноморском направлении и усиления влияния России на Кавказе, особенно в Дагестане, имело еще одно историческое событие – подписание 26 июня 1783 г. Екатериной II и картли-кахетинским царем Ираклием II Георгиевского трактата о заключении дружественного военно-политического союза с признанием верховной власти России над восточной Грузией [Мачарадзе, 1983, с. 123 – 124]. Со своей стороны Екатерина II обязалась защищать народы Картли-Кахетии от их врагов, а царя Ираклия II, его потомков и наследников «сохранять беспрестанно на царстве Картлинском и Кахетинском» [Мачарадзе, 1983, с. 125 – 126].

Влияние Георгиевского трактата на кавказских владетелей, особенно дагестанских, как и манифеста Екатерины II о присоединении Крыма, оказалось весьма продуктивным. Начался переломный этап в их внешнеполитической ориентации – в сторону России, что оказалось весьма важным в преддверии новых военно-политических событий.

Положение Дагестана на первой стадии развития событий в последней четверти XVIII в. стало осложняться тем, что основные наступательные действия Петербурга, Стамбула и вернувшегося к концу столетия на кавказскую арену Тегерана стали сосредоточиваться в Дагестане, Чечне и Закавказье. Удобным поводом для их вмешательства послужили продолжавшиеся между дагестанскими, азербайджанскими и грузинскими владетелями междоусобицы с центрами в Дербенте и Кубе. Некоторую ясность в события внесла Гавдушанская битва 1774 г., завершившаяся поражением дербентско-кубинского правителя Фатали-хана и его дагестанских сторонников от более многочисленной и мощной группировки дагестанских владетелей. Это побудило Фатали-хана обратиться к Екатерине II с просьбой о помощи и принятии в российское подданство. Однако Петербург не решился открыто пойти на этот шаг, опасаясь острой реакции со стороны Стамбула. Тем не менее против осаждавшего Дербент кайтагского уцмья Амир-Гамзы, повинного в гибели академика РАН С.Г. Гмелина с небольшим отрядом из Кизляра был отправлен генерал де Медем, который в марте 1775 г. вместе с тарковским шамхалом Муртузали нанес поражение силам уцмья в местечке Иран хараб. Прибывший к победителям Фатали-хан сопроводил их в Дербент и отправил ключи от крепости Екатерине II вместе с ходатайством о принятии в российское подданство [История Дагестана, 1967, Т.1, с. 278 – 279].

Эти события еще более осложнили ситуацию в Дагестане, привлекли к ней внимание не только правителей Турции, но и рвавшихся к власти в Иране разных претендентов на шахский престол. Как отметил Р.М. Магомедов: «Русские резиденты сообщили о беспокойстве в Иране, когда "ключ к Персии" - Дербент – оказался в руках русских войск; но еще больше волнения это вызвало в Турции ... турецкие представители даже посетили Дербент и были приняты русским командованием... Пришлось русскому правительству... официально заверить Турцию, что Россия не намерена присвоить город Дербент» [Магомедов, 1999, с. 236].

Однако в Стамбуле не удовлетворились этим заверением, хотя русские войска и были выведены из Дербента. Наоборот, надеясь достичь стратегических целей своей кавказской политики, весной 1785 г. Порта отправила денежные и другие вознаграждения владетелям Дагестана и стала готовиться к новой войне с Россией. По замыслам Стамбула вместе с владетелями Чечни, Кабарды и других областей Кавказа они должны были «долгом веры» вызывать ненависть к русским, поднимать горцев к защите ислама от посягательств «неверных» [История народов..., 1988, с. 450].

Большие надежды в этом плане Порта возлагала на начавшееся в Чечне в марте 1785 г. под религиозным знаменем антиколониальное и антифеодальное движение под руководством Ушурмы (шейха Мансура. – *Д.Ш.*), распространившееся на Кабарду и Дагестан после разгрома повстанцами двухтысячного русского отряда 26 июня 1785 г. под аулом Алды [Ахмадов, 2001, с. 396; Гапуров, Ахмадов, 2009, с. 121–122]. К движению примкнули также отдельные кумыкские, кабардинские и осетинские феодалы.

Стремясь развить достигнутый успех, Ушурма перенес военные действия в Дагестан, где 19 и 20 августа дважды пытался взять штурмом Кизляр, но был отбит с большими потерями. Завершилась провалом и его попытка привлечь новые силы в Большой Кабарде. Более того, 2 ноября 1785 г. ополченцы Мансура потерпели новое поражение в районе Татартупа [Berkok, 1958, p. 366], что побудило многих его сторонников «рассыпаться по своим домам» [РГАДА. Ф. 23. Оп.1. Д. 18. Л. 25]. Одновременно усиливалась пророссийская ориентация владетелей и старшин. В конце 1786 – начале 1787 г. в подданство России вступили Аксаевское, Костиковское и Эндиреевское владения

и выразили такое же желание правители Аварии, Казикумуха и Табасарана [История Дагестана, Т.1, с. 397 – 398].

Развитие событий в таком русле усилило недовольство османского руководства, взявшего курс на развязывание войны с Россией при поддержке Англии и Франции, выступавших, «побуждаемые собственными интересами» [Tahsin Unal, 1958, p. 61]. В реваншистских планах Порты важное место занимало привлечение на свою сторону владельцев Кавказа и шейха Мансура. Поддерживая его антироссийские настроения, Порта направила в пограничные с Кавказом турецкие области фирманы султана Абдулхамида I с уведомлением о том, что 50-тысячное турецкое войско будет двинуто к Арпачаю под командованием ахалцихского сераскера Сулейман-паши.

Одновременно в Дагестан был отправлен капуджи-баши (порученец по особо важным делам. – Д.Ш.) с 80-тысячью червонцами и 30 халатами для вручения местным владельцам, чтобы возбудить их против России. Обнадеженный поддержкой Порты шейх сделал попытку поднять горцев против России, но снова потерпел неудачу. Летом 1787 г. Ушурма был вынужден бежать сначала в Закубанье, а оттуда в Анапу. По определению турецкого историка К. Кафлы, «в истории цивилизованного мира шейх Мансур оказался всего лишь "однодневным героем"» [Kadircan Kafli., 1942. S. 84].

В такой ситуации 24 августа 1787 г. Порта объявила войну России. Рассчитывая на поддержку владельцев Чечни, Кабарды, Засулакской Кумыкии и горного Дагестана, она обратилась к ним с призывом выступить против России, обещая богатые чины и звания, но добиться своей цели ей не удалось. Тем не менее, спустя два года, новый султан Селим III повторил подобные действия, наводнив Северный Кавказ многочисленными фирманами, призывающими к «священной войне» против России [АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1789 – 1796. Д. 485. Л. 88 – 89]. По плану турецкого командования, 33-тысячное войско сераскера Батал-паши должно было покорить Кабарду, а затем через Чечню наступать на Кизляр.

Но достигнуть этой цели османы не смогли. 30 сентября 1790 г. русские войска под командованием генерала И.И. Германа наголову разбили корпус Батал-паши у реки Тохтамыш. Развивая этот успех, 22 июня 1791 г. русские силы вместе с кабардинцами, осетинами и дагестанцами под командованием генерал-аншефа И.В. Гудовича овладели Анапой, захватили много пленных, среди которых оказались трехбунчужный Мустафа-паша и шейх Мансур, отправленный для заключения в Шлиссельбургскую крепость [Гузев, 1999, с.547].

Блестящие победы русских войск на всех фронтах в сухопутных и морских сражениях вынудили Порту подписать 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) Ясский мирный договор, подтвердивший условия Кючук-Кайнарджийского трактата 1774 г., а также подписанных после него двусторонних соглашений, означавших разрешение кавказской и черноморской проблем в пользу России. Несмотря на неоднократные попытки Порты и ее западных покровителей изменить соотношение сил в регионе в свою пользу, указанное положение оставалось неизменным вплоть до появления на кавказской арене иранской угрозы в конце XIX в.

Угроза народам Кавказа со стороны Ирана особенно возросла с приходом к власти в 1794 г. Ага Мухаммед-хана, открыто заявившего о намерении захватить Кавказ, прежде всего Дагестан, угрожавшего непокорным массовым разорением и поголовным истреблением, что не могло не вызвать определенной реакции со стороны Петербурга и Стамбула. Действительно, как только стало известно в Стамбуле об этом заявлении, заметно активизировалась деятельность на Кавказе эмиссаров Порты, которые стали распространять среди местных владельцев новые фирманы Селима III, содержащие требование к Петербургу отказаться от Кабарды и Крыма, угрожая соединиться с Ага Мухаммед-ханом и выступить против России [Кидирниязов, Алиева, 2007, с. 100].

Помня о зверском погроме, учиненном Ага Мухаммед-ханом в Тифлисе 12 сентября 1795 г., Екатерина II усилила политику «ласканий» местных владельцев, а 15 апреля 1796 г. двинула из Кизляра на юг специальный корпус под командованием генерал-поручика А.В. Зубова для защиты населения от иранской угрозы. Именно в это время, демонстрируя поддержку правителю Ирана, вновь активизировался султан Селим III. Он повелел отправить в Дагестан чиновника с особыми поручениями Шасувар-бея, выделив ему из казны военного ведомства 3 тыс. курушей на дорожные расходы [Абдуллаева, 2006, с. 167]. Поход А.В. Зубова, разрушивший расчеты Тегерана и Стамбула, завершился присоединением к России прибрежной области Дагестана до Дербента и Ширванской области до Шемахи, что весьма способствовало повышению авторитета России среди народов Кав-

каза и заметному развитию российско-кавказских и русско-дагестанских отношений.

Необходимо отметить, что еще при падении династии Сефевидов и начавшихся в связи с этим междоусобицах Иран был временно исключен из борьбы за Кавказ, что изменило в тот момент расклад геополитических сил в регионе. Поэтому Стамбул на протяжении всего восемнадцатого столетия проводил активную политику на восточно-кавказском направлении, где его единственным соперником была теперь Российская империя. Дальнейшие события показали, что здесь Турция очередной раз терпит поражение, чему также способствовали дальнейшее возвышение Надир-шаха Афшара, последовавшая за этим победа в войне с Турцией 1730–1736 гг., а также приход к власти династии Каджаров в Иране в конце XVIII в. Что касается местных кавказских владетелей, то они поддерживали в борьбе одну из сторон, исходя из своей политической выгоды расстановки сил соперничающих держав.

Таким образом, приводимый в статье материал показывает, что во второй половине XVIII в. важным объектом внешней политики Османской империи все еще оставалось северо-кавказское направление, которое не потеряло своей актуальности не только для Турции, но и для ее геополитических соперников – России и Ирана.

Библиографический список

- Berkok I.* Tarihte Kafkasya. Istanbul, 1958.
Kadircan K. Şimali Kafkasya. Istanbul, 1942.
Tahsin U. 1700'den 1959'a kadar Türk Siyasi Tarihi. Ankara, 1958.
Абдуллаева А.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII – XIX вв. Махачкала, 2006.
Акты кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис, 1886. Т.1.
Андреев А.Р. История Крыма. М., 2000.
Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 121: Кумыкские дела. Оп. 121/1.
Архив внешней политики Российской империи. Ф. 123: Сношения России с Крымом. Оп. 123/2.
Архив внешней политики Российской империи. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1.
Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001.
Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.: в 3 ч. СПб., 1869. Ч. 1.
Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
Гапуров Ш.А., Ахмадов Ш.Б. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством шейха Мансура в 1785 г. // Народы Северного Кавказа и Россия: Матер. Всерос. науч. конференции. Нальчик, 2009.
Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999.
Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.
История Дагестана: в 2 т. М., 1967. Т.1.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв.: Док. и матер.: в 2 т. Т.2 XVIII в. / сост. В.М. Букалова. М., 1958.
Кидирнязов Д.С., Алиева У.М. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с шахским Ираном: 80-е гг. XVIII в. – 1813 г. // Матер. Всерос. науч. конференции. Нальчик, 2007.
Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. Махачкала, 2003.
Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999.
Мальбахов Б. К. Кабарда в период от Перта I до Ермолова (1722-1825). Нальчик, 1998.
Мачарадзе В. Георгиевский трактат: Исследования. Документы. Фотокопии. Тбилиси, 1983.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 19.
Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 23: Кавказские дела. Оп.1.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии. Оп. 1/47.
Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. М., 1958.
Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М., 1991.
Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп.2.
Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп.1.
Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях XVIII века. Нальчик, 1993.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.09.2012

DAGESTAN IN THE CAUCASIAN POLICY OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

Sh. Demir

Dagestan State University, Gadzhieva str., 43-a, 367000, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
escalex@mail.ru

The article is dedicated to the role and the place of Dagestan in the Caucasian policy of the Ottoman Empire and the Russian Empire during the indicated period. The aims, objectives, methods and means of that policy as well as the successes and failures along this way are identified. Events are set out around the main problems: Mozdok and Kizlyar, Caucasus and the Black Sea, etc. The features of the formation and realization of the Sublime Porte's policy in new conditions are outlined.

Key words: the Ottoman Empire, Caucasian policy, Dagestan, Russian-Turkish confrontation, the Crimea, Kabarda, Transcaucasia.

References

- Berkok I.* Tarihte Kafkasya. Istanbul, 1958.
Kadirican Kafli. Şimali Kafkasya. Istanbul, 1942.
Tahsin Unal. 1700'den 1959'a kadar Türk Siyasi Tarihi. Ankara, 1958.
Abdullayeva A.I. Dagestan v politike Osmanskoj imperii vo vtoroj polovine XVIII – XIX vv. Makhachkala, 2006.
Akty kavkazskoy arkheograficheskoy komissii (AKAK). Tiflis, 1886. T.1.
Andreyev A.R. Istoriya Kryma. M., 2000.
Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoj imperii (AVPRI). Fond 121: Kумыкские дела. Op. 121/1.
Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoj imperii. F. 123: Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 123/2.
Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoj imperii. F. 77: Snosheniya Rossii s Persiyey. Op. 77/1.
Akhmadov Y.Z. Istoriya Chechni s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v. M., 2001.
Butkov P.G. Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 gg. V 3-kh ch. CH. 1. SPb., 1869.
Gadzhiev V.G. Rol' Rossii v istorii Dagestana. M., 1965.
Gapurov SH.A., Akhmadov SH.B. Narodno-osvoboditel'naya bor'ba gortsev Severnogo Kavkaza pd rukovodstvom sheykha Mansura v 1785 g. // Narody Severnogo Kavkaza i Rossiya: Materialy Vserossiyskoj nauchnoy konferentsii. Nal'chik, 2009.
Gugov R.KH. Kabarda i Balkariya v XVIII v. i ikh vzaimootnosheniya s Rossiyey. Nal'chik, 1999.
Druzhinina Y.I. Kyuchuk-Kaynardzhiyskiy mir 1774 g. (yego podgotovka i zaklyucheniye). M., 1955.
Istoriya Dagestana. V 2-kh t. M., 1967. T.1.
Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v. M., 1988.
Kabardino-russkiye otnosheniya XVI – XVIII vv. Dokumenty i materialy. V 2-kh t. / Sostavitel' V.M. Bukalova. T.2 XVIII v. M., 1958.
Kidirniyazov D.S., Aliyeva U.M. Severnyy Kavkaz vo vzaimootnosheniyakh Rossii s shakhskim Iranom: 80-ye gg. XVIII v. – 1813 g. // Materialy Vserossiyskoj nauchnoy konferentsii. Nal'chik, 2007.
Kidirniyazov D.S. Vzaimootnosheniya nogaytsev s narodami Severnogo Kavkaza i Rossiyey v XVI – XIX vv. Makhachkala, 2003.
Magomedov R.M. Dargintsy v dagestanskom istoricheskom protsesse. Makhachkala, 1999.
Malbakhov B. K. Kabarda v period ot Perta I do Yermolova (1722-1825). Nal'chik, 1998.
Macharadze V. Georgiyevskiy traktat. Issledovaniya. Dokumenty. Fotokopii. Tbilisi, 1983.
Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoj imperii (PSZRI). T. 19. SPb., 1830.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 23: Kavkazskie dela. Op.1.
Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA). Fond 20: Sekret'naya chast' ekspeditsii voyennoy kollegii. Op. 1/47. Smirnov N.A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI – XIX vv. M., 1958.
Sotavov N.A. Severnyy Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh XVIII v. M., 1991.
Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan (TSGA RD). F. 379: Kantselyariya komendanta g. Kizlyar. Op.2.
Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan. F. 379: Kantselyariya komendanta g. Kizlyar. Op.1.
Yakubova I.I. Severnyy Kavkaz v russko-turetskikh otnosheniyakh XVIII veka. Nal'chik, 1993.